

НОВОСИБИРЦЫ

СУДЬБА

ЕЕ —

СЦЕНА



С Людмилой Ковалевской мне удалось впервые увидеться в темном, красновато-бархатном пространстве пустого зала Новосибирской оперы. Артистка успевала в вежливом полубороте следить за происходящим на сцене и говорить со мной. Потом вдруг какой-то из вопросов заинтересовал ее, и в следующий миг я увидел ее лицо. Она повернулась. Ответы стали нервно-моментальными, настораживали, удивляли и покоя лишили начисто. Позже я убедился, черта эта: постоянная готовность к острой реакции на окружающее — вовсе не прихоть минуты, а свойство характера. Есть люди, к которым как нельзя более подходит это чистое и сильное, но так варварски затасканное в обиходе понятие — страстность. Надо ли доказывать, что настоящая страстность ничего общего не имеет с аффектацией. Такая страсть благородна именно тем, что бескорытна и направлена вовне. И уж если понятие «страсть» сопрягается с профессией, делом всей жизни, — говорят об одержимости.

Не следует, по-видимому, бояться всех этих сильных слов, когда речь ведешь об искусстве Людмилы Ковалевской. Сама ее актерская судьба говорит о многом.

Вначале Ковалевская окончила металлургический факультет Харьковского политехнического института по профилю «литейное производство». Почти десять лет были отданы работе по первой специальности. Как ей удалось сочетать это с учебой в Саратовской консерватории — удивит, очевидно, всех, кто хотя бы отдаленно знаком с литейным производством. Но факт остается фактом: Ковалевская не только умудрялась учиться вокальному мастерству и сдавать множество положенных ей экзаменов, но и делала это настолько блестяще, что ей, еще не кончившей курс обучения, доверили в театре главную роль в очень трудной и сложной опере К. Молчанова «Русская женщина».

Дебют принес ей звание лауреата Всесоюзного конкурса, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ее невероятная работоспособность пугала даже педагогов. К примеру, надо приготовить для урока «Хабанеру» из «Кармен». Она приносит всю партию, выученную наизусть. В Свердловском оперном театре, куда Людмила попала сразу после консерватории, она за два года подготовила тринадцать (!) больших оперных партий, среди которых были и вещи такой сложности, как Амнерис в вердиевской «Аиде», Ортруда в «Лоэнгрине» Вагнера, Марфа в «Хованщине» Мусоргского.

...Вопрос, вызвавший острую реакцию артистки, был о технике вокала. Вокал оказывается, в самой механике человеческого пения — бездна захватывающего. Ковалевская говорит об этом горячо и всегда ясно. Волнение — где-то там, за словами, фразами, в быстром взгляде больших глаз. Оно — только в напряжении, но не в жестах. Экономить жесты она научилась уже здесь, на новосибирской сцене. А в Свердловске...

— О! Что я там только не делала! Экспериментировала сколько хотела, и все на движениях, жестах. Темперамент — наружу. Рвала кулисы, вспомнить смешно. Но, после встречи с Надеждой Павловой...

— Надежда Павловна... — здесь Ковалевская останавливает взгляд и прижимает руки к груди. Мне не надо объяснять — почему. Я знаю эту женщину, Надежда Павлова Мыш, старейший концертмейстер Новосибирска. Женщина редчайшей души. Как музыкант — чувствительна к малейшей безвкусице и фальши. Как педагог — человек громадного интуитивного ума (последнее определение принадлежит Ковалевской, и я его

привожу просто потому, что не мыслю лучшего).

В первом же спектакле, где мне удалось — уже как зрителю — увидеть Ковалевскую, «Царской невесте» (она пела Любашу), я понял, наконец, в чем был смысл ее слов и о вокале и о жесте. Оперный жест — это нечто особое, глубоко специфичное, совершенно отличное от разговорного жеста. Здесь иное течение времени, иное ощущение тела. Что-то между скульптурой и замедленной съемкой. Собственно, жест на протяжении сцены может быть один, но он должен быть предельно выразительным и — вокальным, певческим, то есть не мешать вокалу, а помогать ему. Одна из удачнейших партий артистки — Кармен. Трактовка роли певицей (режиссер В. В. Багратуни) с традиционным толкованием, надо сказать, несколько расходится. Кармен Ковалевской — далеко не та гордая, волевая и безбоязненная подруга контрабандистов, к которой успели мы привыкнуть по многим другим постановкам. Жестокость, коварство и колдовская, ведьминская оборотливость — вот черты, которые мы видим в Кармен, сыгранной на сцене актрисой. Она покорила отнюдь не волей, а плутовским обаянием, умелой, расчетливой обольстительностью. Эта новая, неизвестная нам Кармен, с ленивой колдовской грацией в танцах, с ее обманчивой податливостью и хлестким высокомерием, прежде всего — женственна в самом чарующем смысле этого слова.

...Спектакль закончен. Начинается мучительный анализ сделанного. А потом? От муки после занавеса — к муке перед первым звонком.

Но, говорят, — в этом секрете актерского счастья.

Л. ШТУДЕН.

НА СНИМКЕ: Л. Ковалевская — Кармен.